МАКСИМ ПРИКОТА

ОФЛАЙН

Что будет с миром, работой и деньгами,
если исчезнет интернет

Максим Прикота

Офлайн

«Автор»
2026

Прикота М.

Офлайн / М. Прикота — «Автор», 2026

В понедельник в 9:41 интернет исчез. Не на час — навсегда. Карты, банки, мессенджеры и маркетплейсы перестали работать, и миллионы людей, чья работа жила в экране, за один день остались без дела. А те, кого давно считали «вчерашним днём», вдруг стали нужнее всех.Эта книга — мысленный эксперимент. Через истории SMM-менеджера, программиста, дальнобойщика и бухгалтера-радиолюбителя из Нижнего Новгорода вы проживёте первые десять минут, трое суток, месяц и год мира без сети.Какие профессии исчезнут, а какие начнут приносить большие деньги? Почему курьер, связист и мастер по ремонту станут новой элитой? Как вести дела на бумаге и торговать лицом к лицу?В конце — рейтинг 15 профессий будущего, 20 бизнес-идей и чек-лист: что сделать уже сейчас, даже если интернет никуда не денется.

© Прикота М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вступление. 9:41, понедельник 8
Мысленный эксперимент 10
Что вы найдёте в этой книге 11
Правила игры 12
Что исчезло 13
Что осталось 14
Это уже случалось 15
Как читать эту книгу 16
Часть I. Погасло 17
Глава 1. Первые десять минут 17
Деньги: «Нет связи с банком» 17
Связь: «Только SOS» 18
Дорога: синяя точка без карты 18
Такси, каршеринг, самокаты: запертые коробки 19
Дом: умный становится глупым 19
Проход: QR-код, который нечем показать 19
Работа: облако, которое улетело 20
Новости: вакуум 20
Кто замечает последним 21
Итоги главы 21
Глава 2. Семьдесят два часа 22
День первый: охота за наличными 22
День второй: полки и очереди 22
Аптеки: самое страшное место 23
Тишина и слухи 23
Валентина Петровна выходит в эфир 24
День третий: понимание 24
Итоги главы 25
Глава 3. Первый месяц 26
Государство возвращается к бумаге 26
Деньги: срез на 9:41 26
Торговля под запись 27
Новые профессии первого месяца 27
Игорь: первый рейс 28
Тимур: первый заказ 28
Валентина Петровна: журнал связи 29
Итоги главы 29
Глава 4. Первый год 30
Мир сжался до размеров города 30
Сети, которые вернулись — маленькими 30
Почта: возвращение гиганта 31
Деньги: новая норма 31
Кто на дне 32
Кто наверху 32
Год спустя: четверо 32
Итоги главы 33

Часть II. Что сломается 34
Глава 5. Деньги 34
Слой первый: наличные 34
Слой второй: банки 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Максим Прикота
Офлайн

Офлайн
Что будет с миром, работой и деньгами, если исчезнет интернет

Максим Прикота
2026

Оглавление
Вступление. 9:41, понедельник
Правила игры
Часть I. Погасло
Глава 1. Первые десять минут
Глава 2. Семьдесят два часа
Глава 3. Первый месяц
Глава 4. Первый год
Часть II. Что сломается
Глава 5. Деньги
Глава 6. Торговля
Глава 7. Новости и слухи
Глава 8. Работа и офис
Глава 9. Медицина, транспорт, госуслуги
Глава 10. Учёба, досуг, знакомства
Часть III. Профессии, которые исчезнут
Глава 11. Карта вымирания
Глава 12. Цифровой маркетинг
Глава 13. Онлайн-торговля
Глава 14. Облачное IT
Глава 15. Онлайн-услуги
Глава 16. Цифровые финансы
Глава 17. Таблица переходов
Часть IV. Профессии, которые озолотят
Глава 18. Закон дефицита
Глава 19. Курьеры, нарочные и частная почта
Глава 20. Связисты
Глава 21. Хранители знаний
Глава 22. Посредники информации
Глава 23. Бумажная экономика
Глава 24. Ремонт
Глава 25. Дорога
Глава 26. Торговля лицом к лицу
Глава 27. Досуг
Глава 28. Очные учителя и наставники
Часть V. Как заработать
Глава 29. Рейтинг: пятнадцать профессий нового мира
Глава 30. Двадцать бизнес-идей на первые тридцать дней

Глава 31. Чек-лист: что сделать уже сейчас
Эпилог. Пять лет спустя
Приложения
Приложение А. Хронология: когда мир уже оставался без связи
Приложение Б. Словарь нового мира
Приложение В. Тревожный офлайн-чемодан
Приложение Г. Тест: насколько ваша жизнь зависит от сети
От автора

Вступление. 9:41, понедельник

Лена прикладывает телефон к терминалу и смотрит в окно. Октябрь, мокрый асфальт, троллейбус с запотевшими стёклами ползёт по Большой Покровской. Кофе уже стоит на стойке — капучино на овсяном, триста двадцать рублей, как каждое утро последние два года.

Терминал думает дольше обычного. Потом пищит — не тем довольным писком, каким пищит при оплате, а коротко и обиженно.

— Нет связи с банком, — говорит бариста. — Давайте ещё раз.

Ещё раз. Тот же писк. Лена открывает банковское приложение, чтобы оплатить по QR-коду, — приложение крутит колёсико. Она переключается с вайфая кофейни на мобильный интернет — колёсико крутится и там. В углу экрана, где всегда стояли полоски сигнала и буквы LTE, теперь написано: «Только SOS».

— У вас тоже? — спрашивает мужчина за её спиной. В руке у него телефон, на экране то же колёсико.

Часы на стене кофейни — обычные, со стрелками, повешенные «для уюта» — показывают 9:41.

Лена ещё не знает, что этот кофе станет последним, который она купила по безналу. Она думает о другом: в десять у неё созвон с клиентом, сеткой стоматологий, а в 11:30 должен выйти пост с розыгрышем. Пост стоит в отложенных. «Ну хоть он выйдет сам», — думает она. Пост не выйдет. Ни в 11:30, ни когда-либо ещё.

* * *

Игорь в это время стоит на трассе М-7, в сорока километрах от Владимира, в пробке перед ремонтом моста. Двадцать тонн бытовой химии в Москву, разгрузка в четырнадцать ноль-ноль на складе маркетплейса. Опоздаешь — штраф, и окно сдвинут на завтра.

Навигатор на планшете всё ещё показывает синюю стрелку — его фуру. Но вокруг стрелки вместо дорог серая клетчатая пустота: карта не подгрузилась. Пробки не показываются, время прибытия исчезло. Игорь щёлкает по экрану, пожимает плечами и берёт рацию.

— Мужики, у кого связь есть? У меня ни интернета, ни звонков.

Рация отзывается сразу в несколько голосов. Ни у кого нет. Кто-то шутит, что «опять глушат». Кто-то говорит, что у него жена в Казани и у неё тоже ничего. Игорь опускает рацию на колени и смотрит на неё с уважением. Старая «Мегаджет», купленная ещё в нулевых. Единственная вещь в кабине, которая работает так же, как работала всегда.

* * *

Тимур сидит дома, в наушниках, на утренней планёрке. Тимлид на экране застыл с открытым ртом на полуслове, сверху надпись: «Переподключение…» Тимур делает то, что в такой ситуации делает любой программист мира: перезагружает роутер.

Лампочки роутера загораются зелёным. Компьютер видит роутер. Роутер не видит ничего. Тимур открывает терминал и пишет команду, которую писал тысячу раз, — проверить, отвечает ли хоть какой-нибудь сервер в мире. Ответа нет. Ни от поисковика, ни от сервера компании, ни от публичных адресов, которые «не падают никогда».

Первое, что думает Тимур: авария у провайдера. Второе: надо написать в рабочий чат, что он не прогуливает планёрку. Он берёт телефон. Чат не открывается.

Тогда приходит третья мысль, от которой становится неуютно: а как, собственно, без интернета сообщить, что у тебя нет интернета?

* * *

Валентина Петровна в 9:41 ничего не замечает.

Она снимает с плиты свистящий чайник. На подоконнике бормочет «Океан» — советский транзисторный приёмник, который пережил её мужа, две квартиры и три правитель-

ства. Интернетом Валентина Петровна пользуется для двух вещей: смотреть по видео внучку в Петербурге и платить за квартиру. Ни то ни другое в понедельник в 9:41 ей не нужно.

В 10:17 музыка в приёмнике обрывается на середине песни. Диктор, явно читающий с листа, сообщает о «масштабном сбое в работе сетей связи» и просит граждан «сохранять спокойствие». Валентина Петровна ставит чашку, подходит к окну и видит, что во дворе стоят люди. Просто стоят и смотрят в телефоны. Все одновременно.

Она сорок лет проработала главным бухгалтером. Сначала на счётах, потом на калькуляторе, потом в программе, которую так и не полюбила. И она очень хорошо помнит, как выглядел мир до того, как люди начали стоять во дворах, уткнувшись в экраны.

Она открывает шкаф в коридоре и достаёт с верхней полки коробку, на которой маркером написано: «Радио. Не выбрасывать».

Мысленный эксперимент

Эта книга — мысленный эксперимент. Но эксперимент очень практичный.

Сегодня интернетом пользуются больше пяти миллиардов человек. В России — больше девяти взрослых из десяти. Мы говорим «зайти в интернет» так же редко, как «включить воздух»: мы просто в нём живём. Через него мы платим, едем, лечимся, учимся, влюбляемся, работаем, узнаём новости и заказываем ужин. Он стал невидимым — а невидимое не замечают, пока оно не исчезнет.

Поэтому давайте его уберём. Не на шесть часов, как бывает при крупных авариях. Не на неделю, как бывает, когда страну отключают нарочно. Уберём надолго — на годы. И честно посмотрим, что останется.

Я не буду рисовать апокалипсис с горящими городами и бандами на улицах. Электричество в нашем эксперименте есть. Вода течёт из крана. Хлеб пекут. Самолёты, пусть и не все, летают. Это не книга о выживании в бункере. Это книга о деньгах и о работе: о том, что случится с миллионами людей, чья профессия целиком живёт внутри сети, — и о тех, кто окажется в нужное время с нужным умением в руках.

Потому что любая катастрофа — это ещё и огромное перераспределение. Когда что-то исчезает, кто-то теряет всё, а кто-то впервые в жизни становится незаменимым. Так было, когда пришла железная дорога и разорились ямщики. Так было, когда появился телеграф и обесценились гонцы. Так было, когда рухнул Советский Союз и инженеры оборонных заводов пошли «челноками» в Турцию — а некоторые из них через десять лет владели торговыми центрами. Так будет и в мире без интернета. Только перераспределение пойдёт в обратную сторону: обратно к бумаге, к дороге, к живому голосу и к человеку, который умеет делать что-то руками.

Что вы найдёте в этой книге

Книга разделена на пять частей.

Часть I — это хроника. Первые десять минут, первые трое суток, первый месяц и первый год без сети. Что ломается сразу, что держится неделю, а что неожиданно оказывается прочнее, чем думали.

Часть II — разбор систем. Как перестроятся деньги, торговля, новости, работа, медицина, учёба и даже знакомства.

Часть III — профессии, которые исчезнут. Честно, без утешительных «всё будет хорошо». С ответом на главный вопрос: куда идти тем, кто остался без работы.

Часть IV — профессии, которые озолотят. Кто станет богатым в мире без сети, почему именно он, сколько он сможет брать за свою работу и с чего начинать.

Часть V — практика. Рейтинг профессий, двадцать бизнес-идей на первый месяц и список того, что стоит сделать уже сейчас, пока интернет на месте.

Через всю книгу пройдут четыре человека, которых вы уже встретили: Лена, Тимур, Игорь и Валентина Петровна. Они вымышлены, но собраны из реальных людей и реальных профессий. Следите за ними. Их судьбы — это ответ на вопрос «кто проиграет и кто выиграет» в самом наглядном виде.

И последнее. Всё, что написано дальше, — прогноз, а не пророчество. Я опираюсь на реальные случаи, когда целые страны оставались без связи, на историю профессий и на простую экономическую логику: дорожает то, чего мало, и дешевеет то, чего много. Где-то я наверняка ошибусь. Но если после этой книги вы хотя бы раз задумаетесь, что из вашей жизни и вашего дохода держится на одной-единственной невидимой нитке, — эксперимент удался.

Итак. Понедельник. 9:41. Сети больше нет.

Правила игры

Любой мысленный эксперимент разваливается, если не договориться о правилах. Скажешь «интернета нет» — и тут же посыплются вопросы: а электричество? а телефоны? а почему его нельзя просто починить? Поэтому прежде чем идти дальше, зафиксируем, в каком мире мы будем жить на этих страницах.

Что исчезло

Глобальная сеть. Нет связи между городами, странами и континентами. Не открывается ни один сайт, не работает ни один мессенджер, ни одно облако, ни один онлайн-банк, ни одна соцсеть. Не приходят обновления на телефоны и компьютеры. Не работает ничего, что для работы спрашивает разрешения у далёкого сервера.

Надолго. В нашем сценарии сеть не вернётся минимум десять лет. Это важное условие. Если бы интернет пропал на неделю, вся экономика просто затаила бы дыхание и переждала. Неделю можно перетерпеть: отложить покупки, взять отгул, посидеть с наличными. Но когда становится ясно, что «завтра починят» не будет, люди перестают ждать и начинают перестраиваться. Нас интересует именно перестройка.

Почему нельзя починить быстро? Причину мы оставим за кадром — это может быть каскад аварий, война в киберпространстве, мощнейшая солнечная буря или решение, принятое где-то наверху. Для экономики причина не важна. Важно другое: интернет — не облако, а железо. Это сотни подводных кабелей, через которые идёт почти весь трафик между континентами. Это десятки тысяч узлов, маршрутизаторов, дата-центров, сложнейших систем адресации, которые десятилетиями наращивались слоями и которые никто в мире не понимает целиком. Сломать такую систему можно за минуты. Собрать заново, если она разрушена по-настоящему, — работа на годы.

Что осталось

Электричество. Свет горит, холодильники работают, заводы крутятся. Это сознательное допущение: без электричества получилась бы совсем другая книга — про выживание, а не про профессии.

Устройства. Телефоны, ноутбуки, компьютеры никуда не делись. Они работают — но превращаются в то, чем были в начале нулевых: калькулятор, фотоаппарат, плеер, записная книжка, пишущая машинка. Всё, что на них скачано, остаётся с вами. Всё, что лежало «в облаке», исчезает.

Эфирное радио и телевидение. Вышки вещания передают сигнал по воздуху, им не нужен интернет. Эфир станет главным — а в первые недели единственным — массовым источником новостей.

Спутниковая навигация. Это сюрприз для многих: GPS и ГЛОНАСС интернету не подчиняются. Спутники продолжают сообщать телефону, где он находится. Ваша синяя точка на месте. Проблема в другом — под ней нет карты, если вы не скачали её заранее.

Голосовая связь — с оговорками. Современная мобильная и даже стационарная связь во многом устроена поверх тех же сетей, что и интернет. В нашем сценарии звонки в первые часы почти не проходят: часть оборудования отключается, остальное ложится под лавиной вызовов. Потом связь частично возвращается — на старых линиях, внутри городов и регионов, с перебоями и очередями на переговорных пунктах. Междугородний звонок снова станет событием.

Локальные сети. Компьютеры внутри здания, предприятия или района по-прежнему можно соединить проводами или радиомостом. Больница может связать свои кабинеты. Рынок — свои прилавки. Но связать между собой города и страны быстро не получится. Мир сжимается до размеров одного района — и это, как мы увидим, одна из главных причин, почему одни профессии умрут, а другие взлетят.

Это уже случалось

Чтобы эксперимент не казался фантастикой, вот несколько настоящих случаев, когда люди внезапно оставались без сети. Каждый из них — маленькая репетиция нашего сценария.

Египет, январь 2011 года. Во время протестов власти страны с населением больше восьмидесяти миллионов человек отключили интернет почти полностью — примерно на пять дней. Банки закрылись, биржа остановилась, бизнес встал. Позже экономисты оценивали прямые потери в десятки миллионов долларов в день.

Facebook, октябрь 2021 года. Ошибка в настройках сетевой маршрутизации на шесть часов стёрла с карты интернета Facebook, Instagram и WhatsApp (Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена). Для миллионов малых предпринимателей, которые продавали через Instagram и принимали заказы в WhatsApp, это был день без выручки. Сообщалось, что сотрудники самой компании не могли попасть в некоторые помещения: электронные пропуска проверялись через ту же упавшую сеть.

Тонга, январь 2022 года. Извержение подводного вулкана порвало единственный кабель, связывавший островное государство с остальным миром. Около пяти недель страна жила почти без связи — лишь с медленным спутниковым каналом для самого необходимого. Люди стояли в очередях к немногим телефонам, новости передавали по радио, деньги от родственников из-за границы не доходили.

CrowdStrike, июль 2024 года. Это был не обрыв интернета, а сбойное обновление одной программы для защиты компьютеров. Но оно уронило миллионы машин по всему миру разом. Остановились аэропорты, банки, больницы, телеканалы. Сотрудники авиакомпаний выписывали посадочные талоны от руки — и выяснилось, что многие просто не умеют этого делать.

Россия, 2025 год. Во многих регионах мобильный интернет начали отключать на часы и дни из соображений безопасности. Люди за считанные недели заново научились жить по-старому: носить наличные, скачивать карты заранее, договариваться о встречах «у фонтана в шесть». А магазины и такси — работать с «белыми списками» разрешённых сервисов.

Есть и пример постарше. В сентябре 1859 года на Землю обрушилась мощнейшая магнитная буря — её называют событием Кэррингтона. Тогдашний «интернет» — телеграф — сошёл с ума: провода искрили, у операторов били разряды, часть линий вышла из строя. Если такая буря случится сегодня, последствия будут куда серьёзнее, чем искры на телеграфных станциях.

Всё это — эпизоды. Часы, дни, недели. Наш эксперимент начинается там, где они заканчивались: когда ждать починки уже бессмысленно.

Как читать эту книгу

Каждая глава устроена одинаково. Сначала — короткая сцена из жизни наших героев. Потом — разбор: что происходит, почему и с кем. Где можно — реальный пример из истории. А в конце — три коротких вывода:

Кто теряет — какие люди и профессии первыми чувствуют удар.

Кто зарабатывает — у кого внезапно появляется спрос.

Что сделать сейчас — одно-два действия, которые стоит сделать, пока интернет ещё работает.

Последний пункт — не игра. Почти всё, что поможет вам в мире без сети, помогает и в нашем, вполне реальном мире, где интернет иногда пропадает на день, на неделю или в отдельно взятом регионе. Скачанная карта, сотня рублей наличными в кармане, номер телефона, записанный на бумаге, и умение, которое можно продать без смартфона, ещё никому не помешали.

Часть I. Погасло

Глава 1. Первые десять минут

В 9:43 у кофейни на Покровской стоит уже человек десять. Никто не уходит. Бариста объясняет каждому новому покупателю, что терминал не работает, и каждый новый покупатель сначала пробует приложить карту — «а вдруг у меня пройдёт». Не проходит ни у кого.

— Наличными можно, — говорит бариста.

Люди переглядываются. Наличные есть у одного мужчины в пальто — тысячная купюра. Сдачи с неё в кассе нет: за всё утро здесь никто не платил наличными. Мужчина машет рукой: «Оставьте, потом зайду». Лена смотрит на свой капучино, за который не заплатила, и бариста, поколебавшись, говорит: «Берите. Потом занесёте». Это первая сделка в долг, которую Лена видит своими глазами за много лет. Скоро она увидит их сотни.

В 9:47 она пытается вызвать такси, чтобы успеть в офис к созвону. Приложение показывает пустую карту и надпись «Проверьте подключение к интернету». Лена проверяет. Подключения нет. Она идёт пешком — двадцать пять минут, которые потом вспомнит как последнюю спокойную прогулку в старом мире.

* * *

Первые десять минут без интернета — это не катастрофа. Это недоумение. Никто ещё не знает, что сеть пропала везде и надолго. Каждый думает, что сломалось у него: у его провайдера, его оператора, его банка, его телефона. Миллионы людей одновременно делают одно и то же: перезагружают телефон, включают и выключают авиарежим, перезапускают роутер. А потом выходят на улицу или поворачиваются к соседу, чтобы спросить: «У вас тоже?»

Это вопрос, который в первые десять минут произносят миллионы раз. И сам этот вопрос — первый признак нового мира. Информация снова начинает передаваться так, как передавалась тысячи лет: от человека к человеку, голосом, на расстояние вытянутой руки.

Давайте посмотрим, что именно ломается в эти десять минут. Правило здесь одно, и оно объясняет почти всё: **мгновенно умирает всё, что для работы спрашивает разрешения у далёкого сервера.** А спрашивает почти всё.

Деньги: «Нет связи с банком»

Когда вы прикладываете карту к терминалу, кажется, что деньги списываются прямо в магазине. На самом деле за секунду-две происходит целое путешествие. Терминал отправляет запрос в банк магазина, тот — в платёжную систему, та — в банк, выпустивший вашу карту. Банк проверяет, есть ли на счёте деньги, не заблокирована ли карта, не похожа ли покупка на мошенничество, и отправляет ответ обратно по той же цепочке. Только после этого терминал пищит радостно.

Уберите связь — и цепочка рвётся в первом же звене. Терминал не может спросить разрешения, а значит, не может провести оплату. Некоторые терминалы умеют проводить небольшие покупки «на доверии», без связи, и отправлять их в банк позже. Но в России так почти никто не работает: банки боятся мошенничества и требуют проверки каждой операции. К тому же «позже» в нашем сценарии не наступит.

Оплата по QR-коду, через систему быстрых платежей, переводом по номеру телефона — всё это тоже запросы к серверам. Всё умирает одновременно.

А теперь вспомним: в России больше восьми из десяти покупок в магазинах оплачиваются безналично. Сколько у вас сейчас наличных в кошельке? Если вы похожи на большинство

горожан младше сорока — нисколько или почти нисколько. У Лены в то утро не было ни рубля. Не потому что она бедная. Потому что последние три года наличные ей были просто не нужны.

В 9:41 экономика большого города, работающая на безнале, на десять минут превращается в экономику доверия и долговых обещаний: «Берите, потом занесёте». Через несколько часов доверие закончится. Но об этом — в следующей главе.

Что интересно: в первые минуты не ломаются кассы. Обычная онлайн-касса, которая должна отправлять каждый чек в налоговую, по закону может прожить без связи до тридцати дней — она копит чеки в памяти и отправит их, когда связь появится. Поэтому магазин может продолжать торговать за наличные. Если, конечно, у покупателей эти наличные есть.

Связь: «Только SOS»

Логично было бы ожидать, что, когда пропадут мессенджеры, люди просто начнут звонить. Так и будет — и именно это добьёт телефонную связь.

Сотовая сеть рассчитана на то, что одновременно разговаривает лишь небольшая доля абонентов. Никто не строит сеть, в которой все звонят всем одновременно, — это было бы безумно дорого. В обычный день этого и не нужно. Но в 9:45 понедельника десятки миллионов людей, оставшихся без мессенджеров, одновременно набирают номера: начальнику, жене, маме, ребёнку в школе. Так бывает в новогоднюю ночь и после крупных происшествий — и в такие минуты дозвониться невозможно.

А в нашем сценарии добавляется ещё одна беда. Современная мобильная связь сама во многом живёт поверх интернет-технологий. Голосовые звонки в сетях нового поколения — это, по сути, тоже передача данных. Часть оборудования операторов в первые минуты просто теряет связь со своими центрами управления. Поэтому у Лены на экране и горит «Только SOS»: телефон видит вышки, но обычные звонки через них не проходят. Пробиться можно только на экстренные номера — и те захлёбываются от звонков людей, которые не понимают, что происходит.

Кто в эти минуты остаётся на связи? Те, кому никогда не нужна была сеть. Дальнобойщики с рациями. Таксисты старой школы, которые ещё держат рации для диспетчерской. Охранники с портативками. Радиолюбители. Машинисты поездов и диспетчеры аэропортов — у них свои, отдельные системы связи. Это крошечный процент населения. Но в первые часы именно эти люди будут знать о масштабе происходящего больше всех остальных.

Дорога: синяя точка без карты

Игорь в своей фуре видит синюю стрелку на сером фоне — и это точная картина того, что происходит с навигацией.

Спутники никуда не делись. Навигационный приёмник в телефоне по-прежнему ловит сигнал и вычисляет, где вы находитесь, с точностью до нескольких метров. Но сама карта — улицы, дома, развязки, названия — в большинстве приложений не хранится в телефоне. Она подгружается из сети кусочками по мере того, как вы едете. Немного карты остаётся в памяти от прошлых поездок, поэтому на знакомых маршрутах вы ещё увидите обрывки улиц. Шаг в сторону — и вокруг синей точки серая пустота.

Пробок нет. Расчёта времени нет. Построить маршрут нельзя: это тоже делает сервер. А ведь целое поколение водителей не открывало бумажную карту ни разу в жизни. Курьеры, таксисты, развозчики еды, водители каршеринга — люди, для которых навигатор не помощник, а сам способ работы, — в 9:41 теряют этот способ.

Счастливое меньшинство — те, кто скачал карты заранее. Некоторые навигационные приложения позволяют сохранить карту региона в памяти телефона. Таким людям повезло:

маршрут им всё ещё построят, пусть и без пробок. Знание о том, что карту можно скачать, через месяц станет товаром. А сами скачанные карты — ценностью, которую будут копировать с телефона на телефон за деньги.

Такси, каршеринг, самокаты: запертые коробки

Сервисы такси умирают мгновенно и целиком. Пассажир не может вызвать машину. Водитель не может получить заказ. Диспетчера, которому можно позвонить, у большинства сервисов давно нет — его заменила программа. Сотни тысяч машин в одну минуту превращаются в обычные автомобили, водители которых не знают, кого и куда везти. Кто-то разворачивается домой. Кто-то, посообразительнее, встаёт у метро и вокзала и начинает «таксовать» по-старому — за наличные, по договорённости. Цены в таком такси через час вырастут втрое. В первые минуты водители ещё не понимают, что произошло, но самые опытные — те, кто бомбил в девяностые, — понимают первыми.

С каршерингом всё ещё забавнее. Арендованную машину открывают и закрывают через сервер: вы нажимаете кнопку в приложении, сервер посылает машине команду. Нет сервера — нет команды. Тысячи автомобилей каршеринга в 9:41 превращаются в запертые коробки на парковках. Если вы в этот момент ехали на такой машине, она, скорее всего, доедет до места — но закончить аренду вы не сможете, а после того как заглушите двигатель, можете её больше не завести. То же самое происходит с арендными самокатами: они разбросаны по городу, как игрушки после праздника, и никто не может ни взять их, ни вернуть.

Дом: умный становится глупым

В 9:52 сосед Тимура по лестничной площадке стоит у подъезда и тычет в телефон. Домофон в их доме работает через приложение: ключ — в телефоне, а не в кармане. Физический ключ-таблетку сосед потерял полгода назад и так и не сделал новый — зачем, если есть приложение? Он ждёт, пока кто-нибудь выйдет из подъезда.

Примерно так же в первые минуты ведут себя все «умные» вещи. Умная колонка молчит или вежливо сообщает, что «не может подключиться». Умный замок, которым управляют с телефона, — если он не умеет открываться кодом или обычным ключом — превращается в замок, который не откроется никогда. Умный котёл держит последнюю установленную температуру. Камера видеонаблюдения пишет запись в память — но хозяин её не увидит. Робот-пылесос, как ни странно, продолжает пылесосить: ему интернет нужен только для того, чтобы отчитываться хозяину.

Общее правило: вещи, у которых есть физическая кнопка или обычный ключ, переживут отключение без проблем. Вещи, у которых «кнопка в приложении», — нет. Через год в этом мире появится отдельная профессия — мастер, который переделывает умные устройства в обычные. Ставит выключатели, меняет замки, перепрошивает электронику. Это будет хорошо оплачиваемая работа. Мы ещё вернёмся к ней в главе о ремонте.

Проход: QR-код, который нечем показать

Электронный пропуск в офис. Электронный билет на поезд. Электронный посадочный талон. Электронная запись к врачу. Электронный рецепт. Электронный полис. Электронные права на автомобиль.

Все эти «электронные» вещи делятся на две группы. Одни хранятся на самом устройстве — например, билет, который вы заранее сохранили в телефоне. Такие продолжат работать,

пока жив тот, кто их проверяет. Другие существуют только как запись в далёкой базе — и проверяющий видит их, только если может эту базу спросить. Эти умирают сразу.

В 9:41 в аэропортах останавливаются регистрационные стойки. В офисах турникеты, проверяющие пропуска через центральный сервер, либо замирают, либо охрана открывает их вручную и начинает записывать входящих в тетрадку. В метро становится интереснее. Многие транспортные системы мира устроены хитро: если турникет не может связаться с банком, он всё равно пропускает пассажира по карте, а деньги спишет позже, когда связь вернётся. Это называется «отложенная проверка» — транспортники давно поняли, что лучше иногда пропустить безбилетника, чем устроить давку на входе. Поэтому в первые часы во многих городах метро будет, по сути, бесплатным. Те, кто это поймёт, станут добираться на работу именно на нём — и метро быстро переполнится.

Работа: облако, которое улетело

Тимур так и не смог сообщить, что у него нет интернета. Но это не главная проблема. Главная — в 9:41 перестала существовать вся его работа.

Код, который он пишет, хранится на сервере компании. Задачи — в онлайн-системе. Документация — в облачном редакторе. Общение — в рабочем мессенджере. Сам продукт, который он делает, — веб-сервис, то есть сайт. Без интернета у Тимура остаётся ноутбук с частью кода, сохранённой локально, и полная ясность в голове: сайт, который никто не может открыть, никому не нужен.

Так в первые десять минут выглядит рабочий день десятков миллионов офисных сотрудников во всём мире. Документы «в облаке» — недоступны. Бухгалтерская программа в облаке — недоступна. Список клиентов в онлайн-системе — недоступен. Почта — недоступна. Видеосозвоны — недоступны. В офисах люди сидят перед работающими компьютерами, на которых невозможно сделать ничего полезного, и впервые за много лет разговаривают друг с другом не по работе.

Лучше всех в эти минуты живут компании, которых обычно ругают за отсталость. Заводы с программами, установленными на собственных серверах, в подвале. Бухгалтерии, которые так и не перешли в облако. Склады, которые ведут бумажный учёт параллельно с электронным, «на всякий случай». То, что вчера называли «надо бы модернизировать», сегодня оказывается единственным, что работает.

Новости: вакуум

В 9:50 миллионы людей хотят узнать, что случилось. И впервые за двадцать лет им негде это сделать.

Новостные сайты не открываются. Каналы в мессенджерах молчат. Друзья недоступны. Самое странное ощущение первых минут — информационная тишина. Мы так привыкли, что о любом событии в мире узнаём через секунды, что сама эта тишина пугает сильнее, чем пропавший интернет.

Редакции телеканалов и радиостанций в эти минуты сами ничего не понимают: их журналисты так же отрезаны от источников, как и все остальные. Первые сообщения в эфире появятся только минут через тридцать-сорок — осторожные, без подробностей, со словами «сбой», «спокойствие» и «специалисты разбираются». Из такого вакуума рождаются слухи. К 10:30 у подъезда, где стоят соседи Тимура, будут обсуждать сразу три версии: «война», «отключили нарочно» и «это солнце». Через неделю версий будет двадцать.

Это важно запомнить. В мире без сети самым дефицитным товаром станет не еда и не бензин. Им станет достоверная информация. А всё, что дефицитно, — дорого. Люди, которые

будут уметь узнавать новости первыми и передавать их точно, разбогатеют. Об этом — в главе о посредниках информации.

Кто замечает последним

Самое любопытное в первых десяти минутах — то, кто их почти не замечает.

Валентина Петровна у окна. Пенсионер в деревне, который платит за свет на почте. Сторож на даче. Рыбак на озере. Шахтёр на смене под землёй. Ребёнок, который играет во дворе. Хирург посреди операции, у которого есть дела поважнее телефона. Человек, который принципиально не носит смартфон.

Чем меньше в жизни человека интернета, тем позже он узнаёт о его исчезновении — и тем меньше это меняет его день. Это первый урок нового мира, и он перевернёт иерархию, к которой мы привыкли. Вчера «продвинутыми» были те, у кого вся жизнь в телефоне, а «отсталыми» — те, кто платит наличными и записывает телефоны в блокнот. Через десять минут после 9:41 роли поменялись. Через месяц бабушки, которые помнят, как вести учёт в амбарной книге, будут зарабатывать больше, чем их внуки — специалисты по продвижению в соцсетях.

Это не шутка и не преувеличение. Это главная мысль книги. Дальше мы просто посмотрим, как она сбывается.

Итоги главы

Кто теряет. Все, чья работа целиком идёт через приложение: таксисты агрегаторов, курьеры, менеджеры соцсетей, продавцы маркетплейсов, разработчики веб-сервисов. Все, кто не носит наличные. Владельцы «умных» домов без обычных ключей.

Кто зарабатывает. Пока — почти никто: в первые десять минут ещё никто не понимает, что происходит. Но первыми сообразят люди с наличными, с рациями, с бумажными картами и с опытом девяностых. Те, кто бомбил на «Жигулях», уже стоят у вокзала.

Что сделать сейчас. Держите дома наличные — хотя бы недельный бюджет на еду. Скачайте офлайн-карту своего региона в навигаторе. Сделайте физический ключ от домофона и запишите на бумаге пять самых важных телефонных номеров. Это займёт двадцать минут и пригодится даже без всякой катастрофы — при первом же отключении мобильного интернета в вашем городе.

Глава 2. Семьдесят два часа

К двум часам дня понедельника Игорь стоит у ворот склада в Подмосковье. Он всё-таки доехал — по памяти и по указателям, как ездил двадцать лет назад. Ворота закрыты. Охранник в будке разводит руками: машины принимают по электронной записи, а запись не открывается. Кладовщики не знают, что в фуре, — накладная тоже была электронная. Начальник склада уехал «выяснять» и не вернулся.

У ворот стоят ещё сорок фур. Водители сидят на подножках, курят и обмениваются новостями, которые принесли с собой с разных трасс. Из Ярославля: «Там то же самое». Из Тулы: «Заправки берут только наличку». Из Рязани кто-то слышал по радио, что «сбой во всём мире». Это первая сводка новостей, которую Игорь получил за день, — и она точнее, чем всё, что пока сказали в эфире.

К вечеру он понимает: разгрузки не будет ни сегодня, ни завтра. Он считает наличные в кошельке. Четыре тысячи двести. Солярки в баке — на шестьсот километров. Хватит, чтобы вернуться домой. Не хватит, чтобы ждать неделю.

Во вторник утром Игорь разворачивает фуру с двадцатью тоннами бытовой химии и едет обратно в Нижний. Груз не его, но вернуть его некому. Это решение он потом много раз будет вспоминать: двадцать тонн стирального порошка, шампуня и средства для посуды в мире, где через неделю их станет не купить.

* * *

Если первые десять минут — недоумение, то первые трое суток — это паника, которая медленно превращается в понимание. В эти семьдесят два часа ломается не техника. Техника сломалась в 9:41. Теперь ломается то, что держалось на технике: привычки, доверие и запасы.

День первый: охота за наличными

К обеду понедельника люди понимают простую вещь: без интернета работают только наличные. И бросаются их добывать.

Банкоматы не выдают ничего — им, как и терминалам, нужно спросить разрешения у банка. Отделения банков открыты, но сотрудники сидят перед мёртвыми экранами. Они не видят, сколько денег у клиента на счёте, — счета хранятся в центральных системах банка, а до них не дотянуться. Выдать деньги «на слово» нельзя: завтра любой придёт и скажет, что у него на карте миллион. Поэтому в отделениях вежливо отказывают, а очереди у их дверей растут.

Наличные в этот день есть у трёх групп людей. У пенсионеров, которые получают пенсию на почте и держат «гробовые» в серванте. У тех, кто работает «в чёрную» и получает зарплату в конверте. И у мелкой торговли: ларьков, рынков, шиномонтажей, которые всегда держали кассу наличными. Впервые за двадцать лет эти люди оказываются в выигрыше. Их деньги работают. Деньги остальных существуют только как цифра в недоступной базе данных.

В понедельник вечером на рынке у Московского вокзала в Нижнем кто-то впервые предлагает «обмен»: тысяча рублей наличными за полторы тысячи переводом «когда всё заработает». Предложение не принимают — слишком непонятно, заработает ли. Но сама идея о том, что наличный рубль стоит дороже безналичного, к среде становится общим местом. Наличные превратились в отдельную, более твёрдую валюту.

День второй: полки и очереди

Во вторник в магазинах начинается то, что потом назовут «гречневой паникой».

Логика у людей простая и, надо сказать, правильная. Если не работает связь, не работает и доставка. Если не работает доставка, скоро не будет товаров. Значит, надо купить сейчас. За наличные — у кого они есть. Так что во вторник с полок исчезают крупы, консервы, макароны, сахар, соль, спички, свечи, вода в бутылках, батарейки, туалетная бумага и детское питание.

Самое интересное, что паника оказывается не вполне беспочвенной. Большой сетевой супермаркет хранит в торговом зале и на складе запас всего на несколько дней. Пополнение заказывает программа: она видит, сколько чего продано, и автоматически отправляет заявку поставщику. В понедельник эта программа умерла. Поставщики не получили заявок. Распределительные центры не знают, что куда везти. Водители, как Игорь, стоят у закрытых ворот. Полки опустошаются не только из-за паники — их просто нечем наполнить.

Хлеб при этом есть. Молоко есть, хотя и с перебоями. Это важное наблюдение: в первые дни лучше всего держатся короткие цепочки. Местный хлебозавод печёт хлеб из муки, которая лежит у него на складе, и развозит его по магазинам своими машинами по старым, всем известным маршрутам. Местный молокозавод забирает молоко у ближайших ферм. Чем ближе производитель к покупателю и чем меньше между ними программ, тем устойчивее цепочка. Фрукты из Турции, сыр из соседней области через федеральный склад и кофе из Бразилии исчезают первыми.

На заправках во вторник — километровые очереди. Топливные карты транспортных компаний не работают: они проверяются через сервер. Платят только наличными. Владельцы небольших заправок, сообразив, что подвоза может не быть, поднимают цены. К вечеру литр бензина на некоторых заправках стоит вдвое дороже, чем в пятницу. Так рождается первый в новом мире спекулянт — и первая волна народной злости на него.

Аптеки: самое страшное место

Самая тяжёлая очередь второго дня — не в магазинах. Она в аптеках.

Электронные рецепты не открываются. Льготные лекарства не выдаются: система не может подтвердить льготу. Многие препараты, которые аптека отпускает по рецепту, нельзя продать без проверки. Люди с хроническими болезнями — диабетом, гипертонией, эпилепсией, — у которых таблеток осталось на неделю, начинают обходить аптеки одну за другой.

К чести большинства фармацевтов, в первые дни многие из них работают по совести: отпускают лекарства по бумажным рецептам, записывают в тетрадь, верят людям на слово. Но запасы в аптеках, как и в магазинах, небольшие. А пополнение, опять же, заказывается через сеть. Эта тема станет одной из самых болезненных первого месяца, и мы вернёмся к ней в главе о медицине.

Тишина и слухи

Пока люди стоят в очередях, они разговаривают. И это, пожалуй, главное, что происходит в первые три дня: общество переходит от информационного изобилия к информационному голоду.

Эфирное радио и телевидение работают. Но в понедельник и во вторник им почти нечего сказать. Официальные сообщения короткие и осторожные: «масштабный сбой», «ведутся работы», «сохраняйте спокойствие». Журналисты сами отрезаны от мира: они не могут позвонить корреспондентам в другие города, не могут получить новости из-за границы. Всё, что у них есть, — сообщения властей и то, что они видят из окна.

В этот вакуум хлещут слухи. Во вторник у подъезда Тимура обсуждают, что «американцы всё выключили». У кофейни Лены — что «это учения и завтра включат». На рынке — что «в

Москве уже танки» и что «деньги на картах обнулятся». Последний слух — самый опасный: он гонит людей к банкам и к обменникам.

Самое страшное в слухах — не то, что они ложные. Многие из них, как ни странно, оказываются частично правдой. Страшно то, что их невозможно проверить. Ещё в пятницу любой слух опровергался за две минуты поиском. Теперь между слухом и правдой лежат сотни километров без связи. И люди, которые умеют эти километры преодолевать, внезапно становятся самыми ценными источниками на свете. Водитель, приехавший из Москвы, рассказывает у ворот склада, что видел своими глазами, — и его слушают внимательнее, чем радио.

Валентина Петровна выходит в эфир

В понедельник вечером Валентина Петровна распаковывает коробку «Радио. Не выбрасывать».

Внутри — коротковолновый трансивер, который покупал ещё её муж, радиолюбитель с тридцатилетним стажем. Позывной на него, а потом и на неё, до сих пор не аннулирован. Антенна — длинный провод — так и висит между её балконом и тополем во дворе: соседи давно считают его бельевой верёвкой.

Радиолюбители — люди, которые общаются друг с другом по радио ради удовольствия, — работают без всякого интернета, телефонных станций и вышек. Сигнал на коротких волнах отражается от верхних слоёв атмосферы и может уйти за тысячи километров. В понедельник вечером, когда в эфир выходят сотни таких любителей со всей страны и из-за границы, Валентина Петровна за два часа узнаёт больше, чем телевидение за весь день.

Сбой везде. Европа — то же самое. Казахстан — то же самое. В Америке, по словам одного собеседника из Владивостока, который говорил с японцем, — тоже. Это не местная авария. Это мир.

Во вторник утром она спускается к подъезду, где соседи обсуждают версию про танки в Москве, и спокойно пересказывает, что слышала. Её сначала не воспринимают всерьёз — «бабушка что-то по радио поймала». Потом кто-то вспоминает про верёвку между балконом и тополем. К вечеру вторника у её двери стоят трое соседей. Они просят узнать, всё ли в порядке с их родственниками в Самаре, в Екатеринбурге и в Петербурге.

Валентина Петровна объясняет, что любительское радио — не почта и не телефон: по правилам радиолюбители не должны передавать чужие сообщения как услугу. Но обещает попробовать спросить — вдруг в эфире окажется кто-то из тех городов. Вечером она узнаёт, что в Петербурге, где живут её дочь и внучка, «всё спокойно, свет есть». Это первая хорошая новость за два дня. Внучке она передаст привет через три недели, через радиолюбителя с Васильевского острова, который согласится дойти до их дома.

День третий: понимание

К среде всё меняется. Не снаружи — внутри.

Утром в эфир выходят власти. Сообщение уже другое: сбой глобальный, причины выясняются, быстрого восстановления ждать не следует. Объявляются первые меры: зарплаты бюджетникам выплатят наличными, банки откроют выдачу «в ограниченном объёме», продажу некоторых товаров будут контролировать. Говорят спокойно, но слова «не следует ждать быстрого восстановления» звучат как приговор.

Именно в этот день у людей ломается главная привычка — ждать. До среды все ещё жили в режиме «вот-вот починят». Отменяли встречи, а не планы. Откладывали работу, а не бросали её. Теперь становится ясно, что «вот-вот» не будет. И каждый человек, каждая семья и каждая

компания впервые задают себе вопрос, который будет определять их жизнь следующие годы: а что я умею делать без интернета?

Лена задаёт себе этот вопрос в среду утром, в пустом офисе агентства, куда пришли только она и директор. Директор говорит, что зарплату он выплатить не может: все деньги агентства — на счетах, а счета недоступны. Клиенты не могут платить: их деньги тоже на счетах. А главное — то, что делало агентство, больше никому не нужно. Нельзя продвигать бизнес в соцсетях, которых нет. Лена спрашивает, что ей делать. Директор молча смотрит в окно.

Тимур задаёт себе этот вопрос в среду днём. Он перебирает в голове всё, что знает: языки программирования, фреймворки, облачные сервисы, системы сборки. Почти всё это — способы делать вещи для сети, которой больше нет. Но кое-что остаётся. Он знает, как устроены компьютеры. Он знает, как соединить два компьютера в сеть. Он умеет чинить то, что не работает. Пока это просто мысль. Через месяц она станет профессией.

Игорь задаёт себе этот вопрос в среду вечером, загоняя фуру во двор знакомой автобазы на окраине Нижнего. У него двадцать тонн бытовой химии, полбака солярки, рация и тридцать лет за рулём. Он знает все дороги европейской части страны без навигатора. Пока он не понимает, что это значит. Но вечером к нему подходит директор той же автобазы и спрашивает, не возьмётся ли он отвезти в Москву пакет документов для головного офиса. Наличными. Хорошими наличными.

Валентина Петровна в среду вопроса себе не задаёт. Она пишет в школьной тетради список: кто из соседей о ком просил узнать, какие города, какие адреса. Первая запись в этом списке сделана аккуратным почерком главного бухгалтера, и через месяц тетрадь превратится в журнал, по которому полдвора будет получать новости о родных.

Итоги главы

Кто теряет. Все, у кого деньги только на карте, — то есть почти все горожане младше пятидесяти. Хронически больные, зависящие от регулярных лекарств. Крупные сети с длинными цепочками поставок и автоматическими заказами. Любой бизнес, который умел продавать только через приложение.

Кто зарабатывает. Владельцы наличных — пенсионеры, мелкая торговля, рынки. Местные производители с короткими цепочками: пекарни, молокозаводы, фермеры. Владельцы заправок, складов с запасами и всех, у кого есть товар «здесь и сейчас». Люди, которые физически перемещаются между городами и привозят новости. Радиолюбители — пока не деньгами, а уважением, которое скоро превратится в деньги.

Что сделать сейчас. Держите недельный запас лекарств, которые принимаете постоянно, и бумажную копию рецепта. Узнайте, как называется ближайший местный производитель хлеба, молока и мяса, — в кризис он надёжнее федеральной сети. И подумайте над главным вопросом этой главы, пока это ещё упражнение, а не необходимость: что вы умеете делать без интернета такого, за что вам заплатят?

Глава 3. Первый месяц

На второй неделе на остановке у дома Лены появляется фанерный щит. Кто его поставил, никто не знает. Через день он весь покрыт бумажками: «Куплю батарейки АА», «Сдам комнату, только наличные», «Ищу сына, Артём, 19 лет, учится в Москве, кто едет — передайте записку», «Ремонт телефонов», «Отвезу в Казань, 2 места». Бумажки клеят поверх друг друга, дождь размывает чернила, и к пятнице на щите невозможно ничего найти.

Лена стоит у этого щита двадцать минут. Она пять лет зарабатывала тем, что делала объявления заметными. Она знает, как написать заголовок, чтобы его прочитали, как выстроить текст, как разложить информацию по рубрикам. Всё это время она делала это в ленте соцсети. Теперь лента — вот она: мокрая фанера на остановке.

Вечером она сидит на кухне с пачкой бумаги и маркером и думает: а что, если щит сделать нормальным? Разделить на рубрики. Принимать объявления за небольшие деньги. Переписывать их разборчиво. Менять раз в неделю. Это не газета, пока ещё нет. Но это уже не пустота.

* * *

Первый месяц — время, когда общество перестаёт ждать и начинает чинить. Не интернет — его не починишь. Чинят жизнь вокруг пустого места, где он был. И делают это самыми старыми, самыми простыми способами, которые, как выясняется, никуда не делись. Они просто лежали на верхней полке, как коробка Валентины Петровны.

Государство возвращается к бумаге

У государства в первый месяц три задачи: деньги, порядок и связь. И все три оно решает одним инструментом — бумагой.

Распоряжения снова пишут на бланках, подписывают ручкой и ставят печать. Их развозят нарочные — сотрудники, которые лично везут конверт из одного учреждения в другое. В крупных ведомствах в первую же неделю восстанавливают экспедиции: отделы, которые принимают, регистрируют и отправляют бумажную почту. Многие из них формально так и не были ликвидированы — просто последние годы ими никто не пользовался. Теперь там посадили людей, выдали журналы входящих и исходящих, и бюрократическая машина со скрипом поехала.

Главным голосом власти становится радио. Каждый день в определённые часы в эфире зачитывают официальные сообщения: что работает, что не работает, где получать деньги, куда обращаться. Люди быстро запоминают расписание. В полдень у радиоприёмников собираются, как в войну, — подъезды, офисы, проходные. Транзисторные приёмники, которые пылились у бабушек, в первую неделю пропадают из продажи, а на рынке их начинают продавать втрое дороже прежнего.

Возвращаются и газеты. Типографии работают — им нужны электричество, бумага и краска, а не сеть. Уже на второй неделе выходят первые официальные бюллетени: списки работающих учреждений, порядок выплат, телефоны городских служб. Их раскупают за час. Тот, кто может напечатать и продать нужную людям информацию, в первый месяц делает это легко. Это заметят не только государственные типографии.

Деньги: срез на 9:41

Самый болезненный вопрос месяца — деньги, которые остались на счетах.

В крупных банках данные никуда не пропали. Они лежат в собственных дата-центрах — просто отделения в других городах не могут до них достучаться. Поэтому на второй неделе

в нашем сценарии объявляют правило: все остатки на счетах фиксируются на момент 9:41 понедельника. Это называют «срез». Банки постепенно связывают свои отделения с центром через выделенные линии, курьеров и бумажные выписки. Человек приходит в отделение, ему проверяют паспорт, ищут его остаток в распечатке «среза», и выдают часть денег наличными. Сначала по несколько тысяч в неделю, потом больше.

Очереди к банкам в первый месяц — главная примета городов. Люди стоят часами, с термосами и раскладными стульями, с номерами, написанными на ладонях. Появляются «стоятели» — люди, которые за деньги занимают очередь и держат её за вас. Это одна из первых новых профессий, и, как многие профессии этого месяца, она проживёт недолго — пока не наладится выдача.

Центральный банк печатает наличные. Инкассаторы развозят их по банкам и предприятиям. Крупные работодатели — заводы, больницы, школы, госучреждения — переходят на выдачу зарплаты наличными в кассе. Слово «кассир» в первый месяц возвращается в разговорную речь. А люди, которые умеют пересчитывать деньги, вести кассовую книгу и составлять ведомость на выдачу зарплаты, вдруг оказываются нужны везде.

Безналичный расчёт между компаниями тоже возвращается, но медленно: через бумажные платёжные поручения, которые бухгалтер несёт в банк в папке. Как в девяностые. Платёж из одного города в другой идёт неделю.

Торговля под запись

Магазины в первый месяц переучиваются торговать заново.

Сетевые супермаркеты страдают больше всех. Их система держалась на центральном складе, программах заказов и электронном документообороте. Без них большой супермаркет — это огромный зал, в котором некому решить, что в него привезти. Части сетей приходится по сути разделиться на независимые магазины: каждый директор сам договаривается с местными поставщиками, по телефону, если он работает, или лично.

Маленький магазин у дома, наоборот, оказывается в своей стихии. Продавщица знает поставщиков в лицо. Знает покупателей. И возвращает практику, которой в маленьких городах никогда до конца не отказывались: торговлю «под запись». Своим отпускают в долг, записывая в тетрадку: «Кв. 34 — хлеб, молоко, 214 р.». Отдадут, когда получат зарплату. Тетрадка, а не банк, в первый месяц становится главным инструментом кредитования для миллионов семей.

Рынки переживают бум. Там всегда была наличность, прямые отношения с поставщиками и короткая цепочка от поля до прилавка. Фермер, который раньше отдавал мясо перекупщику за копейки, теперь привозит его сам и продаёт напрямую — дороже и быстрее. Цены на рынке в первый месяц растут, но рынок работает. Это главное.

Новые профессии первого месяца

Первый месяц — это время, когда новые профессии рождаются не в учебниках, а прямо на улице. Никто их не придумывает. Люди просто видят, что что-то нужно, и начинают это делать за деньги.

Нарочные и курьеры. Нужно отвезти письмо в другой город. Почта России работает, но перегружена и медленна: её логистика тоже держалась на программах. Поэтому появляются частные гонцы — водители, которые едут в другой город и берут с собой письма, посылки и документы. Цена — договорная, от трёхсот рублей за письмо до нескольких тысяч за срочный пакет документов.

Переписчики и составители. Люди разучились писать официальные бумаги от руки: заявления, жалобы, доверенности, договоры. У дверей учреждений появляются те, кто пишет

их за вас — по образцу, разборчиво и по форме. Иногда это пенсионеры-юристы, иногда бывшие секретари.

Справочные. Вчера любой вопрос решался поиском. Сегодня нужно знать, где работает врач, сколько стоит проезд до Москвы, какая аптека получила инсулин. Появляются люди, которые знают. Кто-то сидит на рынке с тетрадкой расписаний и берёт деньги за ответ. Кто-то держит самодельную доску объявлений, как Лена.

Телефонисты. На тех участках, где стационарная связь восстанавливается, — переговорные пункты с очередью. Нужны люди, которые соединяют, записывают, берут плату. Снова работа для тех, кто помнит, как это было устроено.

Ремонтники. Телефон, который нельзя заменить, потому что новых не привозят, теперь чинят до последнего. Мастерские по ремонту электроники перегружены.

Это всё — профессии на скорую руку. Часть из них исчезнет, когда наладится порядок. Но некоторые вырастут в настоящие отрасли, о которых мы подробно поговорим в четвёртой части книги.

Игорь: первый рейс

Пакет документов, который Игорь отвёз в Москву в первую неделю, принёс ему двадцать тысяч рублей наличными — больше, чем он раньше зарабатывал за неделю рейсов. Директор автобазы, увидев, что Игорь вернулся за трое суток с ответным пакетом, назавтра принёс ещё три.

Свою фуру Игорь оставил на базе: гонять двадцать тонн ради пачки конвертов бессмысленно. Он взял у соседа старый микроавтобус, повесил на лобовое стекло табличку «Москва — Нижний. Письма, посылки, документы» и начал ездить. Два рейса в неделю. За конверт — пятьсот рублей, за срочный — две тысячи, за посылку — по договорённости. Плюс пассажиры, которым нужно в Москву: поезда ходят, но расписание непредсказуемо, а билеты продают только в кассах и с очередями.

К концу месяца у Игоря есть постоянные клиенты: два банка, автобаза, частная клиника и человек сорок горожан, которые пишут родным в Москву. Он записывает всё в амбарную книгу: кто, кому, что, сколько заплатил. Это первый в его жизни собственный бизнес. И, как он сам потом скажет, «единственный нормальный за тридцать лет».

Двадцать тонн бытовой химии он так и не вернул. В середине месяца владелец груза, крупная торговая компания, прислал за ним человека с доверенностью. Игорь отдал груз без разговоров. Но человек, впечатлённый тем, что Игорь сохранил всё до последней коробки, предложил ему возить их почту по средней Волге. За деньги, о которых Игорь раньше не мечтал.

Тимур: первый заказ

Тимур в первый месяц сидит без работы две недели. Его компания закрылась, точнее, просто исчезла: последний раз он видел тимлида на замёрзшем видео в 9:41.

На третьей неделе к нему зашёл знакомый — директор частной клиники, где Тимур лечил зубы. Клиника работала. Но все её записи — карты пациентов, расписание врачей, рентгеновские снимки — хранились в облачной программе. Программа умерла. Врачи не знают, кто к ним записан. Снимки, сделанные на аппарате, некуда сохранить, кроме самого аппарата.

Тимур провёл в клинике четыре дня. Нашёл старый компьютер, установил на него программу для хранения записей, которая работает без интернета. Протянул провода по кабинетам и собрал маленькую локальную сеть: теперь все компьютеры клиники видят общую базу.

Настроил, чтобы снимки с рентгеновского аппарата автоматически сохранялись туда же. Это была очень простая работа — по меркам его прошлой жизни почти ученическая.

Директор заплатил ему пятьдесят тысяч наличными. И дал адреса ещё трёх клиник, где та же беда.

Тимур понял: вся его прежняя профессия исчезла. Но рядом с её обломками лежит другая. Всё, что раньше работало через облако, теперь нужно сделать работающим на месте — в здании, в районе, в городе. Таких специалистов мало. Работы — тысячи заказов.

Валентина Петровна: журнал связи

Тетрадь, начатая в среду первой недели, к концу месяца превратилась в журнал. Три толстые общие тетради: «Входящие», «Исходящие», «Ответы». Каждая запись — дата, кто просил, о ком, какой город, что узнали.

Валентина Петровна выходит в эфир каждый вечер, в одно и то же время. За месяц она познакомилась с радиолюбителями в двенадцати городах. Почти все они делают то же самое, что и она: собирают просьбы соседей и передают их друг другу. Кто-то в Самаре дошёл ногами до нужного адреса и вернулся с ответом. Кто-то в Екатеринбурге передал записку через знакомого водителя.

Ни копейки она за это не берёт: по правилам радиолюбительства нельзя, и она с этим согласна. Но соседи сами несут: кто банку варенья, кто пакет картошки, кто сломанную, но ещё рабочую рацию для запчастей. А ещё у её двери стали появляться люди с другим вопросом. Владелец ларька на углу не знает, как вести учёт без кассовой программы. Соседка открыла маленькое кафе и запуталась в долгах поставщикам. Бывший главный бухгалтер, начинавшая на бумаге и счётах, может поставить его кому угодно за один вечер.

За это она берёт деньги. Первые в новом мире деньги, которые она заработала. Три тысячи за вечер. В пятницу у неё было записано пять человек.

Итоги главы

Кто теряет. Сотрудники цифровых компаний, которые просто исчезли вместе с сетью: маркетинговые агентства, IT-компании, онлайн-сервисы. Сетевые супермаркеты, которые не умеют работать без центрального склада. Люди, чьи сбережения застряли в банке и выдаются по чайной ложке.

Кто зарабатывает. Гонцы и курьеры между городами. Типографии и все, кто печатает нужную информацию. Бухгалтеры и кассиры, умеющие работать на бумаге. Мастера по ремонту электроники. Специалисты, умеющие собрать локальную сеть и перенести программы из облака на собственный компьютер. Рынки и фермеры. Мелкие магазины, торгующие под запись.

Что сделать сейчас. Посмотрите, где хранятся важные для вас данные: документы, фотографии, рабочие файлы. Если всё только в облаке — скопируйте самое ценное на флешку или внешний диск. И попробуйте написать от руки заявление или простой договор. Если не получается без образца — это тоже навык, который стоит освоить.

Глава 4. Первый год

Через год, в такой же октябрьский понедельник, в 9:41, Лена стоит в той же кофейне на Покровской. Терминала на стойке нет — его давно убрали в подсобку. Вместо него деревянная коробка для денег и тетрадь, в которую бариста записывает постоянных клиентов, берущих «на неделю». Капучино на овсяном не бывает уже десять месяцев: овсяное молоко делали в другой области и привозили через федеральный склад. Капучино на обычном стоит двести рублей. Наличными.

У Лены под мышкой пачка свежих листков, ещё пахнущих типографской краской. Восемь полос формата А3, сверху название: «Покровка. Объявления и новости района». Тираж — две тысячи. Выходит по пятницам. Стоит двадцать рублей. Бариста берёт десять экземпляров на продажу у кассы.

Год назад в это время Лена стояла здесь с бесполезным телефоном и думала о посте с розыгрышем для стоматологии. Теперь та же стоматология — её крупнейший рекламодатель: четверть полосы в каждом номере.

* * *

Первый год без интернета — это время, когда исключительное становится нормальным. В первую неделю люди в панике. В первый месяц — в лихорадочном ремонте жизни. А к концу года они просто живут. И самое удивительное, что многим в этом новом мире не хуже, а кое-кому даже лучше, чем было.

Но обо всём по порядку.

Мир сжался до размеров города

Главное изменение первого года — масштаб. Вчера человек из Нижнего мог за пять минут заказать товар из Китая, пообщаться с другом в Аргентине и посмотреть фильм, снятый в Корее. Сегодня его мир — это город, ближайшая область и, если повезёт, Москва, до которой три дня почты.

Это меняет всё. Товары снова делятся на местные и привозные, и привозные стоят заметно дороже. Новости снова делятся на местные и «из столицы», и столичные приходят с опозданием на несколько дней. Знакомства снова происходят только среди тех, кто живёт рядом. Город, который год назад был просто адресом доставки, снова становится вселенной — со своими ценами, своими слухами, своими знаменитостями и своей экономикой.

Возвращается то, что экономисты называют «информационной асимметрией», а простые люди — «кто знает, тот и зарабатывает». Разница в цене одного и того же товара в соседних городах может достигать двух-трёх раз. Тот, кто первым узнал, что в Дзержинске сахар дешевле, а в Нижнем его не хватает, и привёз фуру, зарабатывает за неделю месячную зарплату. Так зарабатывали купцы двести лет назад. Так, в общем, зарабатывали челноки в девяностые. Так будут зарабатывать в мире без сети.

Сети, которые вернулись — маленькими

К концу года в больших городах появляется то, что сначала называли «кварталками», а потом просто «городской сетью».

Технически это очень просто. Компьютеры внутри больницы, завода или университета давно соединены локальной сетью. Нужно лишь соединить несколько таких сетей между собой: протянуть кабель или поставить радиомост — пару антенн, которые передают данные по воз-

духу на несколько километров. Потом добавить общий сервер, на котором лежит городская справочная: расписание транспорта, адреса учреждений, объявления, новости администрации.

К концу первого года в Нижнем такая сеть связывает горсовет, все больницы, крупные заводы, банки, университеты и несколько десятков частных компаний. Это не интернет. Здесь нет соцсетей, видео, магазинов и бесконечной ленты. Это скорее электронная доска объявлений и почта внутри одного города. Но для врача, который может отправить снимок пациента в областную больницу за минуту, а не за день, это огромная разница.

Строят эти сети люди вроде Тимура. И их катастрофически не хватает.

А вот связать городские сети друг с другом пока не получается: слишком большие расстояния, слишком мало оборудования и слишком мало людей, которые умеют это делать. Между городами по-прежнему ездят машины с письмами и флешками. Флешка, на которой записаны новости из Москвы, свежие справочники и обновлённые карты, — один из самых ходовых товаров на рынке.

Почта: возвращение гиганта

Почта России в первые недели была перегружена так, что многие сочли её мёртвой. К концу года она снова становится одной из главных организаций страны.

У почты есть то, чего нет ни у кого: отделения в каждом посёлке, сортировочные центры, машины, поезда и сотни тысяч сотрудников. Её логистика держалась на программах, но сама сеть отделений, дорог и людей никуда не делась. Когда программы заменили бумажными журналами, а штат увеличили, почта заработала. Медленнее, чем раньше: письмо из Нижнего в Москву идёт четыре-пять дней. Но зато с гарантией.

Снова появляются денежные переводы через почту — в бумажных бланках, с квитанцией и подписью. Снова появляются телеграммы: почта восстановила телеграфную связь между крупными городами по выделенным линиям. Короткое сообщение доходит в тот же день. Цена — за каждое слово. Люди быстро вспоминают, как писать телеграфным языком: «ДОЕХАЛ ЗДОРОВ ДЕНЬГИ ПОЛУЧИЛ ЦЕЛУЮ».

Частные курьеры вроде Игоря с почтой не конкурируют — они дополняют её. Почта медленная, но дешёвая. Курьер быстрый, но дорогой. Кому срочно — платит курьеру. Кому не срочно — идёт на почту. Две системы делят рынок без особого конфликта.

Деньги: новая норма

К концу первого года денежная система снова работает, но выглядит как в девяностые.

Наличные — основной способ расчётов в быту. Зарплаты выдаются в кассах или переводятся на сберкнижки — да, банки снова выдают бумажные книжки, куда операционист записывает каждое поступление и снятие. Расчёты между компаниями идут через банки по бумажным поручениям, сначала внутри города, а потом и между городами, когда банки наладили собственную курьерскую и телеграфную связь.

Цены за год выросли сильно, но неравномерно. Местная еда подорожала на треть. Привозная — вдвое и больше. Электроника — в разы: новые телефоны и компьютеры практически не поступают, и любой работающий ноутбук стоит как подержанный автомобиль. А вот некоторые вещи подешевели. Квартиры в больших городах — потому что часть людей уехала. Рабочая сила в цифровых профессиях — потому что эти профессии больше никому не нужны.

Банковские вклады, зафиксированные «срезом» 9:41, к концу года выдают почти полностью. Люди, которые держали все деньги на счетах, не потеряли их — но потеряли часть их ценности из-за роста цен. Те, кто держал сбережения в вещах — в машине, в квартире, в инструментах, в запасах, — оказались в лучшем положении. А криптовалюта, в которую вкла-

дывали миллионы людей, превратилась в ничто: она существовала только как записи в сети, которой больше нет.

Кто на дне

Первый год без интернета — время огромной безработицы. Не всеобщей, но очень концентрированной.

Без работы остались почти все, чья профессия жила только в сети. Специалисты по рекламе в соцсетях и поисковиках. Продавцы на маркетплейсах. Блогеры. Веб-разработчики. Модераторы контента. Операторы онлайн-поддержки. Сотрудники онлайн-школ. Дизайнеры сайтов. Аналитики интернет-трафика. По самым грубым прикидкам, в России это несколько миллионов человек. Среди них очень много молодых, образованных и до вчерашнего дня хорошо зарабатывавших людей.

Часть из них за год нашла себя в новом мире — как Лена, как Тимур. Их навыки оказались переносимыми: умение писать текст, работать с людьми, разбираться в технике. Часть пошла работать руками: на склады, в торговлю, в доставку, на заводы, которые снова начали набирать людей. Часть уехала из больших городов к родителям — в маленькие города и сёла, где жить дешевле, а огород кормит.

Но значительная часть — растеряна. Год без работы, без привычного образа жизни, без понимания, зачем нужны знания, на которые потрачено десять лет. Именно для этих людей написана третья часть этой книги. В ней мы разберём, куда может двинуться каждая из исчезнувших профессий.

Кто наверху

А кто за этот год разбогател?

Вот список, почти без комментариев. Подробно о каждой из этих профессий — в четвёртой части книги.

Курьеры и перевозчики между городами. Особенно те, кто первым организовал регулярные рейсы.

Связисты. Все, кто умеет строить и чинить сети, ставить радиомосты, восстанавливать телефонные линии. Их заработок за год вырос в несколько раз.

Ремонтники электроники. Новой техники нет — старую чинят бесконечно.

Типографии и издатели. Газеты, справочники, бюллетени, бланки, учебники, карты.

Бухгалтеры, кассиры, юристы и нотариусы. Бумажный мир требует бумажных специалистов.

Торговцы, понимающие разницу цен между городами. Новые купцы.

Владельцы офлайн-копий знаний. Те, у кого на дисках сохранились энциклопедии, справочники, учебники, карты и фильмы. Их копируют за деньги.

Организаторы живого досуга. Кинотеатры, клубы, концерты, танцы — людям нужно куда-то ходить по вечерам.

Общее у них одно. Каждый из них делает то, что нельзя сделать без человека: перевезти, починить, передать, напечатать, засвидетельствовать, развлечь. То, что вчера делали программы, сегодня снова делают люди. И эти люди стоят денег.

Год спустя: четверо

Лена издаёт районную газету «Покровка». Две тысячи экземпляров по пятницам, сорок рекламодателей, доход — втрое больше её прежней зарплаты в агентстве. Она наняла двух

разносчиков и подростка, который принимает объявления в киоске у остановки. В планах — газета на весь город.

Тимур руководит бригадой из шести человек, которые строят городскую сеть. Половина его бригады — бывшие программисты, вторая половина — бывшие монтажники кабельного телевидения. Сам он говорит, что программисты быстрее понимают, как всё устроено, а монтажники — быстрее лезут на крышу. Заказов у него на полтора года вперёд.

Игорь владеет курьерской службой «Волжский нарочный». Четыре микроавтобуса, восемь водителей, маршруты до Москвы, Казани, Ярославля и Владимира. Свою фуру он продал — она понадобилась кому-то для перевозки зерна, и цена оказалась хорошей. Он впервые за жизнь съездил на море. На поезде. Билет купил в кассе, отстояв в очереди сорок минут.

Валентина Петровна ведёт бухгалтерию одиннадцати малых предприятий района. По вечерам по-прежнему выходит в эфир. В прошлом месяце городская администрация пригласила её вести курсы бумажного учёта для молодых бухгалтеров, которые никогда в жизни не держали в руках кассовую книгу. На курсы записалось шестьдесят человек.

Они не стали олигархами. Никто из них не построил империю. Но каждый из них — даже Лена, потерявшая в 9:41 всё, — живёт сейчас лучше, чем год назад. Не потому что им повезло. А потому что у каждого нашлось умение, которое в новом мире оказалось дефицитным.

Следующая часть книги — о том, как именно новый мир устроен изнутри: что стало с деньгами, торговлей, новостями, работой, медициной, учёбой и любовью. Потому что, чтобы понять, кто будет зарабатывать, нужно сначала понять, на чём.

Итоги главы

Кто теряет. Миллионы людей цифровых профессий, оставшиеся без работы. Те, кто держал сбережения только на счетах и в криптовалюте. Сетевые компании с длинными цепочками поставок. Жители больших городов, привыкшие ко всему привозному.

Кто зарабатывает. Перевозчики, связисты, ремонтники, издатели, бумажные специалисты, торговцы, владельцы офлайн-знаний и организаторы досуга. Все, кто делает то, что нельзя сделать без человека.

Что сделать сейчас. Посмотрите на свою профессию и честно задайте вопрос: можно ли её делать без интернета? Если ответ «нет» — подумайте, какой навык из вашей работы переносится в офлайн. Умение писать, договариваться, разбираться в технике, считать, учить — всё это пригодится в любом мире. И держите часть сбережений не только на счёте: в вещах, которые сохраняют ценность, и в навыках, которые кормят.

Часть II. Что сломается

Глава 5. Деньги

Валентина Петровна кладёт на стойку банка тёмно-зелёную книжечку с потрёпанными уголками. Операционистка, девушка лет двадцати двух, берёт её осторожно, как музейный экспонат.

— Это что?

— Сберегательная книжка, деточка. Тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Счёт закрыт, но вы спросили, как она выглядит. Вот так. Каждое движение денег — сюда, ручкой, с вашей подписью и печатью. Хотите, научу заполнять?

Девушка хочет. За стеклом у неё сидят ещё три таких же молодых операциониста, и ни один никогда не держал в руках бумажный банковский документ. Через неделю банк закажет в типографии десять тысяч новых сберкнижек. А Валентину Петровну пригласят провести для сотрудников два занятия. Платно.

* * *

Деньги кажутся чем-то вещественным: купюры, монеты, цифры на экране. На самом деле деньги — это информация. Запись о том, кто кому сколько должен. Купюра — это запись, напечатанная на бумаге и защищённая водяными знаками. Цифра на счёте — запись в базе данных банка. Пока записи можно проверить, деньги работают. Когда проверить нельзя — перестают.

Интернет в нашем мире был главным способом проверки денежных записей. Поэтому, когда он исчез, денежная система не рухнула — но была вынуждена откатиться лет на тридцать назад. Посмотрим, как этот откат выглядит слой за слоем.

Слой первый: наличные

Наличные — единственные деньги, которые не нужно проверять через сеть. Вся проверка встроена в саму купюру: водяные знаки, защитная нить, микропечать. Поэтому в первые же дни наличный рубль становится королём.

Проблема в том, что наличных в стране мало. Не в смысле «денег мало» — в смысле «бумажек мало». В экономике, где большинство расчётов шло по картам, напечатанных купюр было ровно столько, сколько нужно для меньшей части покупок. Теперь вся экономика хочет платить наличными. Возникает парадоксальная ситуация: деньги у людей есть, но в такой форме, которой нельзя расплатиться.

Центральный банк включает печатные станки на полную мощность. Но купюру нельзя напечатать за день: нужна специальная бумага, краски, защита. Первые месяцы наличных хронически не хватает. Это порождает три явления, которые хорошо помнят все, кто жил в начале девяностых.

Наличные дороже безнала. Как в главе 2: за тысячу наличными просят полторы «когда-нибудь». Позже разрыв сократится, но долго будет держаться в пять-десять процентов.

Мелочь исчезает. Сдачи нет нигде. Цены округляют до десятков, а потом до сотен. Продавцы выдают сдачу спичками, жвачкой, записками «должен 30 р.».

Купюры подделывают. Чем ценнее наличные, тем выгоднее их подделывать. А детекторы, которые стоят на кассах, кое-где тоже были сетевыми. Возвращаются ультрафиолетовые лампы и продавщицы, которые смотрят купюру на просвет.

Слой второй: банки

Банк без сети — это здание, в котором лежат деньги и бумаги, и у которого нет связи ни со своими филиалами, ни с другими банками.

Что спасает банки? Две вещи. Первая — их собственные дата-центры. Данные о счетах не исчезли, они лежат на серверах, и туда можно добраться: в пределах одного города — по проводам и локальной сети, между городами — курьером с диском или распечаткой. Вторая — люди и бумага. Каждая операция снова записывается вручную: приходный ордер, расходный ордер, журнал, подпись, печать. Вечером операционист сводит итог по журналу. Раз в неделю курьер везёт итоги в главный офис.

Это медленно и дорого. Банку теперь нужно в несколько раз больше людей, чем раньше. Зато банковская работа снова становится массовой профессией: операционисты, кассиры, контролёры, курьеры, инкассаторы. Всё то, что последние пятнадцать лет сокращали, заменяя приложением.

Платёж между банками разных городов теперь идёт неделю-две. Сначала поручения возят курьеры. Потом банки договариваются с почтой и восстанавливают старый телеграфный способ расчётов: короткое кодированное сообщение с номером счёта и суммой. Так банки переводили деньги друг другу больше ста лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.